

СЕСИЛИЯ ГРАНТ

**РАЗБУЖЕННАЯ
СТРАСТЬ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г75

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Cecilia Grant
A LADY AWAKENED

Перевод с английского *Е. А. Моисеевой*

Компьютерный дизайн *С. П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства Bantam Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Грант, Сесилия.

Г75 Разбуженная страсть : [роман] / Сесилия Грант ;
[пер. с англ. Е. А. Моисеевой]. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2016. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-096872-5

Знаменитый лондонский повеса Тео Мирквуд, сосланный отцом в провинцию, воспринял скандальную просьбу соседки, молодой вдовы Марты Расселл, как пикантное приключение — и напрасно. Миссис Расселл должна обзавестись наследником, чтобы не потерять имение покойного мужа, а столичному красавцу совсем нетрудно в этом помочь. Однако навязанная роль все сильнее претит Тео — он, наконец страстно полюбивший, намерен соединить жизнь с Мартой, стать счастливым мужем и отцом. Но почему кареглазая вдова, разделяя чувства Тео, наотрез отказывается от предложения?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Cecilia Grant, 2012
© Перевод. Е.А. Моисеева, 2013
ISBN 978-5-17-096872-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

За десять месяцев их брака она ни разу не мечтала о смерти своего мужа. И случись такое — не испытала бы радости. Ни на миг. Это ей не подобало.

Марта выпрямилась на стуле, разглаживая подол черного платья. Верно говорят, что порой нашим поведением руководят скорее принципы, нежели чувства. И на принципы можно положиться. Принципы укрепляли ее, помогали ей справиться с ситуациями, в которых чувства превратились бы для нее в трясину.

Она снова расправила платье и положила руки на стол.

— Что ж, — произнесла она в тишине залитой солнцем гостиной, — без сомнения, все это законно.

Мистер Кин отвесил легкий поклон с дальнего края стола, и Марта заметила проплешину у него на макушке. Он ни разу не взглянул ей в глаза с той самой минуты, как начал читать. Лежавшие перед ним бумаги чуть слышно шелестели, когда он разглаживал уголки и без особой надобности перекладывал их с места на место. Лучше бы он перестал это делать.

Напротив молча сидел ее брат, и его челюсти двигались, словно он пытался что-то проглотить. Очевидно,

он был раздражен. Но надо отдать ему должное: он всегда старался сдерживаться.

— Говори, Эндрю. — Она прекрасно знала, что брат собирался сказать. — А то вот-вот покалечишь себя.

— Я бы лучше покалечил Расселла, если бы знал, что он задумал. Тысяча фунтов!.. — Эндрю произнес эти слова с таким видом, словно выплюнул целый комок подгоревшей каши. — Всего одна тысяча. А ведь речь шла о десяти! Разве нормальный человек мог бы растратить имущество своей жены?

Очевидно, человек, погрязший в пьянстве, был на такое способен. И это всего лишь один пример. Марта сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— У меня же остались деньги. Есть еще и приданое.

— Но нет имущества. А от твоих средств осталась лишь десятая часть. Хотелось бы мне узнать, о чем он думал, — произнес брат, обращаясь к мистеру Кину.

— Я бы лично не посоветовал делать эти вложения, — раздался пронзительный голос адвоката, продолжавшего шуршать бумагами. — Но у мистера Расселла был вкус к подобным делам. Его завещание, оставленное первой миссис Расселл, было подобным же. Ее доля — в ценных бумагах, а все остальное завещано будущему наследнику.

Да, конечно, наследник... Ей бы хотелось увидеть какого-либо другого мужчину, которому бы хотелось наследника больше, чем ее мужу.

Хотя нет. По правде говоря, ей совсем не хотелось бы встретиться с подобным мужчиной. Она коснулась скатерти кончиками пальцев. Очень красивая скатерть. Бельгийский лен. Но скатерть больше не принадлежала ей.

— Лучше бы вашим брачным контрактом занялись мои адвокаты. Не пришлось бы иметь дело с подоб-

ной доверенностью. — Очередная порция подгоревшей каши. — Люди отца оказались совершенно бесполезными. Надо было все делать самому.

— Эндрю, как бы ты справился? — У нее не было ни времени, ни терпения выслушивать подобную чепуху. Лучше бы он сделал то, лучше бы сделал это... Такие разговоры — тупик, ведущий лишь в трясиину эмоций. — Ты ведь занимался управлением отцовским поместьем. И это были трудные дни для всех нас. Что сделано, то сделано. Больше не стоит об этом говорить.

Эндрю прикусил язык, но в его глазах — больших и темных, словно настоявшийся кофе, — светилось упрямство. Марта же вежливо отвернулась. Как неприлично позволять чувствам отражаться на лице! Полное отсутствие самоконтроля. У нее были такие же глаза, как у брата, но она давно приучила себя к каменному спокойствию. Это было совсем не сложно.

— Итак, когда же ее выгонят из дома? — поинтересовался Эндрю, не в силах больше сдерживаться. — Когда очередной мистер Расселл захочет вступить во владение собственностью? Конечно же, ты, Марта, останешься жить у нас с Люси, — добавил он, не дожидаясь ответа адвоката. — Когда мы уедем за город, ты даже сможешь поселиться в своей старой комнате.

И снова жить, как беспомощный ребенок, хотя ей уже двадцать один год? Снова обуза для брата и его жены? Казалось, что-то шевельнулось у нее в душе, возможно — слабый намек на сопротивление, такой же бесцельный и ненужный, как поднятый ветром мусор.

Мистер Кин склонил голову, и она вновь увидела его лысую макушку.

— В подобных случаях мы обычно не продолжаем, пока вдова не скажет, не ожидает ли она наследника.

Нет, наследника не будет. Всего три дня назад ее тело сообщило ей об этом. Так что, несмотря на энергичные усилия мистера Расселла, предпринятые им, вероятно, и с его первой женой, ребенок на свет так и не появится. Теперь этого не произойдет уже никогда.

Но должна ли она прямо сказать об этом? Внутреннее сопротивление заставляло ее молчать. Ведь если она ответит уклончиво, то сможет прожить здесь еще несколько недель. Возможно, даже месяц.

Конечно, если бы она действительно взбунтовалась... Всем были известны истории о том, на что могли пойти отчаявшиеся бездетные вдовы. То были мрачные истории, в которые трудно поверить. Но разве женщина способна дойти до такого отчаяния? Возможно, все это — мифы, сочиненные мужчинами, желавшими подобного.

Марта вскинула голову.

— Я сообщу вам, когда буду совершенно уверена. — По крайней мере, она сможет позаботиться о слугах. Мистер и миссис Расселл привезут собственных слуг, и кое-кто из обитателей Сетон-парка станет ненужным. Поэтому она сделает все возможное, чтобы найти им место.

Эндрю молча вертелся на своем стуле, пока мистер Кин в течение нескольких минут собирал бумаги и отпускал вежливые замечания. Когда же адвокат наконец ушел, брат яростно вскочил на ноги.

— Ради бога, сестра!.. Ты что, никогда не сможешь сама постоять за себя?! — Он подошел к другому краю стола. — С тобой, Марта, ужасно поступили. Почему только у меня одного хватило решимости об этом сказать?

В ее груди разлилось знакомое чувство покоя.

— Я не вижу тут никакой связи с решимостью. — Она спокойно подбирала слова, снова положив руки

на стол. — Можно говорить о несправедливости и даже изобразить вспышку гнева — но ведь это не изменит ситуации, верно? — Ее голос становился все более ровным, словно тесто под напором скалки.

— Сейчас уже нет! — Ее брат яростно взмахнул рукой. — Но всего этого можно было бы избежать. Я никогда не пойму, зачем ты вообще вышла замуж за этого человека. Зачем девушке связываться со вдовцом вдвое старше ее, когда она...

— Ему было тридцать девять. До старческого слабоумия далеко. Ох, ты вряд ли когда-нибудь поймешь... — И вообще, разве способен на это старший брат? Ведь перед ним никогда не встанет материальный вопрос. Ему никогда не придется принимать решения, в которых нет места девичьим фантазиям. Он лишь способен пожалеть ее и удивиться ее «странному» выбору.

Как будто брак по любви — единственно возможная форма брака! Как будто бесчисленные поколения не жили счастливо в союзах иного рода, основанных на взаимном уважении людей, ценивших не только чувства!

Руки Марты расслабились, и она принялась поглаживать ажурную ткань скатерти. Заставила себя успокоиться, затем снова сплела пальцы и помолчала.

Ее брат испустил тяжелый вздох и тихо сказал:

— Прости, Марта...

И она заметила, как изменился его голос.

Тут он подошел к ней и стал сзади, коснувшись одной рукой ее плеча. Она подняла голову и пристально посмотрела на стену, где на обоях красовался жизнерадостный узор из красно-белых пионов.

— Прости, что обидел тебя. — Теперь в его голосе звучала неуверенность, будто он изо всех сил пытался

успокоить свою капризную младшую сестренку. — Мне жаль, что это случилось с тобой, и мне жаль, что я не смог тебе помочь. Но если ты мне позволишь, то я смогу тебе сейчас. Тебе будет хорошо со мной и с Люси.

Пионы на обоях на мгновение замерцали и начали расплываться перед глазами. Ей снова будто было семь лет, а ему — восемнадцать. И та же рука лежала у нее на плече, такая же неловкая, как лапа индейки на курином насесте. Все это уже было, хотя в тот день они сидели рядом на каменной стене, где он наконец нашел ее, а его сбивчивые слова утешения говорили о рае и душе их матери.

«Мне тоже очень жаль, — хотелось ей сказать. — И если бы я только могла пожелать того, что ты мне предлагаешь... Ох, не знаю, почему я не могу».

— Спасибо, Эндрю, что согласился приехать. Ты мне очень помог. Если бы не ты, все было бы по-другому. Я напишу тебе, когда... — Впервые она позволила себе окунуться в потоки чувств, но тут же взяла себя в руки.

Вскоре брат уехал в Лондон. Марта махала вслед его экипажу, пока он не свернул с аллеи на дорогу. А потом она пошла прочь от дома. Пошла на юг, к вздымающимся вдали холмам.

Лучи августовского солнца не щадили неторопливо идущую женщину в трауре. «Что ж, пусть будет так», — решила Марта и прибавила шаг.

Теперь дорога пошла вверх, и ее шаги становились все короче, когда она стала подниматься на самый высокий холм. Поблизости слышалось блеяние овец — то жалобное, то как бы раздраженное. Залаяла собака, и раздался резкий мужской голос. Обогнув впадину на холме, она увидела их: один из местных жителей обучал собаку, по много раз обводя ее вокруг трех «сердитых» овец.

Тут мистер Фаррис заметил ее и снял шляпу. А она остановилась побеседовать с ним, и ей оставалось лишь похвалить его собаку. Именно это она и сделала. А фермер вертел в толстых пальцах шляпу и глубокомысленно кивал.

— Моя Джейн спрашивала, не стоит ли к вам зайти, — сказал он, когда закончился обмен любезностями. — Ей хочется узнать, останетесь ли вы здесь.

— Боюсь, это маловероятно. — Даже совершенно исключено. Но ее ответ должен был совпадать с ответом, данным мистеру Кину.

— Многим будет неприятно это услышать. — Фаррис свистнул, и собака побежала в другую сторону. — Моя Джейн говорит, что именно вам мы обязаны новой крышей.

— Скорее щедрости мистера Расселла. — Марта склонила голову и смахнула пыль с рукава.

— Первая миссис Расселл никогда не интересовалась нашим жильем. И он тоже, пока не появились вы. Так говорит Джейн. Она вас очень хвалит.

— Я рада, что удостоилась ее похвалы. — Марта снова отряхнула платье и подняла голову. — Надеюсь, она здорова. А как дети?..

— Все здоровы. — Мистер Фаррис махнул рукой, и собака побежала в другую сторону. — Бен и Адам не дождутся, когда откроется школа.

— Школа? — Ее охватил восторг, вытеснивший утреннее разочарование. — Знаете, в последний раз, когда я разговаривала с мистером Аткинсом, их не было в его списке. Они все-таки пойдут в школу?

— Сначала — всего на три дня в неделю. И моя младшая дочка тоже пойдет. Мальчики Эверетта мне помогут, а мои сыновья помогут ему, так что мы справимся.

— Хотите сказать, сыновья Эверетта тоже идут в школу? — Марта заставила свой голос звучать буднично, чтобы не испугать овец.

— Да. И тоже дня на три в неделю. Может, зимой почаще.

— Я за вас очень рада. Вы оказываете своим детям огромную услугу, отдавая их в школу.

— Они не глупые. — Фермер пожал плечами и снова покрутил в руках шляпу. — Добавьте к этому образованию — и мальчишки смогут выбрать собственный путь в жизни.

Марта узнала слова мистера Аткинса, которые тот использовал для убеждения родителей, и не удержалась от улыбки. Пусть она и недолго прожила в Сетон-парке, но ей удалось кое-чего добиться. Она оказалась полезной. Когда к сердцу снова подступит тревога, она будет вспоминать новые крыши коттеджей и свое участие в осуществлении давней мечты викария о школе.

Ей бы хотелось вспоминать и о других своих достижениях.

— А как Лора и Аделаида? Надеюсь, они будут ходить в школу по воскресеньям.

— Вряд ли. — Фаррис склонил голову и провел ребром ладони по подбородку. — Они понадобятся нам дома — особенно когда в школу пойдут их братья.

— Да-да, конечно. — Она уже не раз слышала подобный обескураживающий ответ. — И все же это всего лишь один час уроков раз в неделю. Возможно, вам все-таки удастся отпустить их.

— Возможно. А пока я обучаю Лору этой работе. — Он кивнул на собаку. — Знаете, ей нравится обучать животных.

— Что ж, ее талантом отдавать приказания можно

только восхищаться. — И развивать. Девочка, обладавшая подобным даром, заслуживала хорошего образования, не ограничивавшегося умением читать и считать. И завтра же она поговорит об этом с мистером Аткинсом. Родителям девочки понадобятся веские доводы, и этим придется заняться побыстрее, потому что ее время здесь ограничено.

Две недели назад, как случалось в каждое воскресенье всей ее замужней жизни, Марта сидела с мистером Расселлом в первом ряду правой стороны церкви Святого Стефана. Но в это утро она расположилась слева от прохода в третьем ряду, и этот ее поступок был понятен лишь ей одной. Первый ряд предназначался для владельцев Сетон-парка. И больше она там не сядет.

В третьем же ряду все было по-другому. Она видела место на мозаичном полу, куда падал свет из стрельчатого окна в восточной стене. И могла разглядывать затылки сидевших перед ней людей. А сидя в первом ряду, она не знала, кто из ее соседей мыл за ушами, а кто нет.

И в первом ряду она скорее всего не заметила бы незнакомца. Могла бы услышать, как он спешит по проходу к свободному месту в то время, как в церкви воцарилась тишина при появлении викария, но ни за что не повернулась бы и не заметила высокого человека в прекрасно сшитом костюме, расположившегося неподалеку от нее.

Марта не повернулась и сейчас. На людей, опаздывающих на службу, не стоило обращать внимания, и лучше бы это усвоили те из ее соседей, которые сейчас украдкой поглядывали на незнакомца. Но краем глаза она все же заметила, как он взял молитвенник и принялся добросовестно перелистывать страницы.

Когда же началась служба, Марта совершенно позабыла о незнакомце.

Службы мистера Аткинса всегда были серьезны и безыскусны, возможно, чуть длиннее, чем хотелось бы, но обычно в конце говорилось что-нибудь стоящее. Сегодня он выбрал притчу о Марии и Марфе, сестрах, которые по-разному приняли пришедшего в их дом Спасителя, и это была довольно странная история, скорее всего — о приверженности долгу. Но Марте все же удалось дождаться достойного завершения.

А через несколько минут она услышала тихий детский смех. Маленький мальчик, сидевший впереди, вытянул шею, стараясь рассмотреть что-то позади. Марта проследила за его взглядом и заметила незнакомца, который уже успел заснуть, чуть склонившись.

Неужели он не понимал, что подавал дурной пример? Марта укоризненно посмотрела на мальчика, и тот тут же отвернулся. А она обратила все свое неодобрение на спящую фигуру в соседнем ряду.

Незнакомец продолжал дремать как ни в чем не бывало. Голова его чуть склонилась набок, и Марта смогла рассмотреть волнистые волосы цвета свежей древесины самшита. Но она не могла видеть его лица, и можно было только предполагать, как он выглядел.

Однако все в его облике говорило о праздности — даже руки, вяло поддерживавшие на коленях сборник церковных гимнов, по-прежнему открытый на той самой странице, которую он читал, пока не заснул. Вне всякого сомнения, он был из тех мужчин, что приходили в церковь в основном для того, чтобы все услышали, как они поют.

Но сейчас она услышала нечто иное, а именно храп,

низкий и очень тихий, походивший на жужжание насекомого.

Зачем тогда вообще приходиться в церковь?

Марта нахмурилась и отвернулась от незнакомца. Пусть с ним имеют дело мистер и миссис Расселл. Сейчас ее заботило... другое. Например, служба. Или состояние ее молитвенника, от которого даже в летний день исходил промозглый зимний дух. От всех молитвенников в церкви Святого Стефана пахло именно так. А на этом были еще и неприятные темные пятна, и от избытка влаги страницы съежились. Жаль, что она так и не попросила мистера Расселла заменить...

По ее спине пробежали мурашки. Кто-то смотрел на нее. Кто-то, сидевший справа. Она вскинула голову и встретила со взглядом темно-синих глаз. Оказалось, что незнакомец проснулся и приподнял голову. И теперь она увидела его лицо.

Он по-прежнему выглядел заспанным. На одной щеке — той, что касалась плеча, — образовался рубец. Завиток волос косо упал на лоб. Но под этой небрежностью скрывалось лицо аристократа, и особенно привлекали чувственные красноватые губы и длинные ресницы, которые она разглядела бы даже через шесть рядов.

Незнакомец несколько раз моргнул. Потом его лицо озарила улыбка — словно он заметил ее в танцевальном зале и надеялся, что их представят друг другу. Нет, еще хуже!

Марта быстро отвернулась, и к ее щекам прилила кровь. А незнакомец по-прежнему смотрел на нее — она видела это краем глаза.

Марта отложила молитвенник и скрестила руки на груди. И тут ей вдруг показалось, будто воздух ласкает

ее обнаженную шею. Она невольно содрогнулась. И пожалела, что не накинула на плечи шаль.

Еще несколько раз по ее спине пробежали мурашки, но она неотрывно смотрела прямо перед собой — даже когда закончилась служба и ряды вокруг нее опустели. Она последней ступила на порог, последней пожалала викарию руку и поблагодарила его за назидательную проповедь.

Вблизи мистер Аткинс являл собой настоящее воплощение священнослужителя — даже в большей степени, чем в то время, когда стоял за кафедрой и читал проповедь. Худощавое сложение придавало еще больше величия его строгому черному облачению, и весь он походил на рисунок углем на белой бумаге — угольные глаза, угольные волосы и густые черные и чуть изогнутые брови, придававшие его бледному угловатому лицу печальное выражение.

— Думаю, это была хорошая притча, — ответил он на ее похвалу, и в его улыбке проскользнуло лукавство. — Хотя, возможно, в будущем мне следует выбирать более жизнерадостные отрывки ради мистера Мирквуда. Но если он заснет во время моей проповеди о Давиде и Голиафе, то мне придется винить только самого себя.

— Он наш сосед? — Из-за плеча мистера Аткинса Марта видела незнакомца в доброй четверти мили от них, на тропинке, ведущей к дороге. — Я его прежде не видела и никогда не слышала этого имени.

А незнакомец шагал с непринужденной легкостью, сунув руки в карманы.

— Им принадлежат земли к востоку от Сетон-парка, но мы их редко здесь видим. Кажется, они тут ни разу не появлялись при вас, и даже теперь к нам приходит

только молодой мистер Мирквуд. Но я слишком заболтался и не спросил, как у вас дела. — Голос викария изменился. — Не ожидал, что вы придете так скоро...

Марта посмотрела на собеседника и встретила его пронизательный взгляд. Казалось, он призывал ее к доверию, почтительному доверию, существовавшему между прихожанами и священником.

— У меня все хорошо. — Она снова взглянула на удаляющуюся фигуру мистера Мирквуда. — Спасибо, что спросили. Помочь вам с уборкой?

— Конечно. — И снова священник проявил пронизательность; он понял ее нежелание говорить и принял его с почтительным уважением.

В церкви мистер Аткинс занялся бумагами на кафедре, а Марта принялась собирать молитвенники со скамей. Мистер Расселл считал, что хозяйке Сетон-парка не подобает заниматься такими делами, но теперь она могла делать то, что считала нужным.

Взяв сборник церковных гимнов, которым пользовался мистер Мирквуд, Марта проговорила:

— Должна признаться, у меня были и тайные мотивы... — Она стояла, глядя в сторону кафедры. — Я надеялась обсудить с вами вопрос со школой.

На мгновение руки священника замерли.

— Ах да. Я этого ожидал. — Мистер Аткинс отложил бумаги и поднял голову. — Садитесь. — Он указал на первый ряд и вышел из-за кафедры. Прислонившись к скамьям напротив, скрестил руки на груди и тихо сказал: — Полагаю, мистер Кин вчера был в вашем доме.

— Да. — Марта положила стопку молитвенников на колени. — Поместье скорее всего перейдет к брату мистера Расселла Джеймсу. Думаю, я останусь тут еще на несколько недель.